

«В российском обществе есть потенциал самоорганизации»

Выступление на круглом столе «Определился ли новый вектор?»

«Горбачев-Фонд». 10 декабря 2013

Татьяна Ворожейкина*доктор политических наук, «Левада-Центр»*

Российское общество в условиях кризиса очень быстро пугается самого себя и тех разнонаправленных тенденций, которые в нем проявляются. Я думаю, что это в равной мере относится и к интеллигенции, и к широким массам... Под этим углом зрения перестройка, с моей точки зрения, представляла для нас важнейшее в XX веке «окно возможностей» для выхода за пределы зависимости от траектории предшествующего развития, за пределы государственно-центричной модели. Во-первых, потому что перестройка была направлена на создание институтов, на деперсонализацию государства, на решающий разрыв с самодержавной моделью власти. Во-вторых, потому, что перестройка породила разнообразные тенденции самоорганизации общества и его автономизации по отношению к государству.

Я думаю, что «окно возможностей», открытое перестройкой, было закрыто в октябре 1993 года. Способ, которым тогда был разрешен политический конфликт в стране, был одним из важнейших факторов возвращения к прошлому, становления того политического строя, который мы имеем сейчас. Я имею в виду, во-первых, военную победу одной стороны над другой (напомню, что обе они в ходе политического конфликта претендовали на всю полноту власти в стране). Отказ от поиска компромисса, не понимание того, что проигравшая сторона представляет значительную часть граждан страны и их интересы, сделали победу Ельцина - Пирровой победой с точки зрения утверждения демократических институтов в стране. Демократия в представлении победившей стороны выглядела исключительно как власть "демократов", а не как система соответствующих институтов.

Мне хотелось бы начать с короткого перечисления тех факторов, которые традиционно блокировали западный вектор развития в России.

Во-первых, это отсутствие государства в западном смысле этого понятия – как системы публичных институтов. Публичный характер государственных институтов предполагает их безличный характер, независимость от частных интересов носителей власти, а также общеизвестные и одинаковые для всех правила игры. Напротив, государство в России на протяжении последних 500 с лишним лет - это система патримониальной власти, подчиненной частным экономическим и политическим интересам ее носителей, суть которой

составляет самодержавие. Самодержавие в принципе исключает сколько-нибудь устойчивые публичные институты, независимые от воли высшего властителя или правящей группы и представляющие интересы, которые присутствуют в обществе. В такой системе публичные институты не только слабы, но, едва начав зарождаться, как это было на рубеже 1980-х – 1990-х гг., они очень быстро меняют свою природу и, подчиняясь интересам частной власти, становятся фиктивными, имитационными.

Вторым фактором, препятствующим западному вектору развития России, является единство власти и собственности, вытекающее из самого характера власти. Именно власть является в России наиболее надежным источником личного благосостояния ее носителей, которые стремятся в принципе исключить возможность появления независимых от власти центров экономического влияния. Коррупция в этих условиях носит системный характер: она составляет важнейший, несущий элемент всей конструкции власти-собственности.

Третье препятствие на пути движения России в западном направлении – это подчинение общества и индивида государству, т.е. системе частной власти. Российская власть справедливо видит для себя угрозу в автономизации общества и систематически стремится разрушать механизмы собственно социальной интеграции и самоорганизации общества.

При этом на протяжении пяти веков своей истории российское государство, с моей точки зрения, выступает по-преимуществу как слабое государство. Громоздкое, дорогостоящее, пронизанное коррупцией российское государство было слабым и неэффективным в решающем институциональном измерении любого государства, а именно, в способности проникать в общество и осуществлять там какие-либо стратегии, кроме тех, которые основаны на насилии и устрашении. Такое государство было способно только разрушать общественную ткань, но было совершенно не способно модернизировать общество, поскольку само это государство во всех его конкретно-исторических формах оставалось глубоко традиционалистским и патримониальным.

В таких условиях общество в России имело аморфный, неструктурированный, слабо дифференцированный характер. Государство, власть традиционно выступали здесь как главный и зачастую единственный интегрирующий общество фактор. С одной стороны, это было результатом последовательного разрушения государством любых независимых от власти форм общественной самоорганизации; с другой - слабости, аморфности общества, всегда обращавшегося к власти в поисках вождя или спасителя. Иначе говоря, слабость государства и общества в России взаимно усиливали друг друга, блокируя процессы социальной и политической модернизации, т.е., создания структурированного саморегулирующегося общества и правового государства. Решающая роль в этой

блокировке, на мой взгляд, принадлежит власти, которая в любой самоорганизации общества – экономической, социальной, политической – всегда усматривает для себя угрозу. Как только общество демонстрирует, что оно способно существовать без постоянного контроля всепроникающего государства, последнее, как правило, начинает этому активно противостоять.

Я думаю, что российское общество, несмотря на крайне неблагоприятные условия своего исторического существования и развития, тем не менее, сохраняло, пусть и в латентном виде, потенциал самоорганизации. Этот потенциал проявлялся в тех ситуациях, когда государство в ходе очередного кризиса или распада ослабляло свою хватку. Так было в XVII веке, начиная со смутного времени и до прихода Петра I к власти, так было в 60-е годы XIX века, в начале века XX и в его конце, на рубеже 80-х – 90-х гг. Общество в России не было абсолютно бессильным, каким его часто описывают в комментариях и в литературе. Тенденции к самоорганизации, к самостоятельному структурированию общества могли быть слабыми, разнонаправленными, плохо артикулированными, противоречивыми, но они существовали и неизбежно возникали в условиях слабости или распада государственных механизмов контроля и управления. Эти тенденции не всегда можно отнести к гражданским: в условиях социальной катастрофы, как это было в условиях революционного кризиса 1917 – 1921 гг., речь шла о простом выживании. Однако именно простые формы самоорганизации и самозащиты часто становятся тем основанием, на котором формируются элементы гражданского общества, как это, в частности, было в случае кооперативного движения.

Другое дело, что российское общество в условиях кризиса очень быстро пугается самого себя и тех разнонаправленных тенденций, которые в нем проявляются. Я думаю, что это в равной мере относится и к интеллигенции, и к широким массам. Надежда Мандельштам так описывает в своих воспоминаниях Москву 1922 г.: "Мандельштам заметил, что у всех возникла новая нота: люди мечтали о железном порядке, чтобы отдохнуть и переварить опыт разрухи. Жажда сильной власти обуяла все слои нашей страны. Говорить, что пора обуздать народ, еще стеснялись, но это желание выступало в каждом высказывании. Проскальзывала формула: "Пора без дураков ...". Нарастало презрение и ненависть ко всем видам демократии и, главное, к тем, кто "драпанул". (...) Назрели предпосылки для первоклассной диктатуры – без всякой тени апелляции к массам".¹ Напомню, что среда общения Мандельштамов в 1922 г. отнюдь не рабоче-крестьянская.

Через 70 лет крушение советского режима также породило, как отмечал в 1990 г. Андрей Фадин, страх общества перед самим собой, перед признаками развала

¹ Надежда Мандельштам. Вторая книга: Воспоминания. М.: Московский рабочий, 1990, с. 68

общественного порядка, "перед полной потерей ориентации в обстановке, когда все пришло в движение и нет никакой надежной опоры". Этот страх, "порожденный широким разбросом стихийных и непонятных социальных процессов, становился одной из основ поднимавшейся волны массового консерватизма, сопротивления не только идущей "сверху" модернизации, но и растущей "снизу" плюрализации социальной жизни".² Именно этот страх стал одной из основ последующего отката и возвращения к характерной для России государственно-центричной модели развития, где государство претендует на роль единственного интегратора аморфного и неструктурированного общества.

Под этим углом зрения перестройка, с моей точки зрения, представляла собой важнейшее в XX веке «окно возможностей» для выхода за пределы зависимости от траектории предшествующего развития, за пределы государственно-центричной модели. Во-первых, потому что перестройка была направлена на создание институтов, на деперсонализацию государства, на решающий разрыв с самодержавной моделью власти. Во-вторых, потому, что перестройка породила разнообразные тенденции самоорганизации общества и его автономизации по отношению к государству.

Я думаю, что «окно возможностей», открытое перестройкой, было закрыто в октябре 1993 года. Способ, которым тогда был разрешен политический конфликт в стране, был одним из важнейших факторов возвращения к прошлому, становления того политического строя, который мы имеем сейчас.

Я имею в виду, во-первых, военную победу одной стороны над другой (напомню, что обе они в ходе политического конфликта претендовали на всю полноту власти в стране). Отказ от поиска компромисса, от понимания того, что проигравшая сторона представляет значительную часть граждан страны и их интересы, сделали победу Ельцина - Пирровой победой с точки зрения утверждения демократических институтов в стране. Демократия в представлении победившей стороны выглядела исключительно как власть "демократов", а не как система соответствующих институтов.

Второе обстоятельство – это отсутствие политической реформы в 1991-1993 гг. и ориентация на использование существовавших управленческих структур (советского аппарата) для осуществления приватизации и перехода к рынку. Вопрос о демократической трансформации и институционализации политической сферы практически не ставился: эта задача расценивалась как вторичная и производная от развития рыночной экономики, на основе которой, по мысли реформаторов только и могли возникнуть демократические

² Андрей Фадин. Неформалы и власть (Размышления о судьбах гражданского общества в СССР). // Общественные самодетельные движения: проблемы и перспективы. (Ред. Е.А. Суслова) М.: НИИ культуры, 1990, с. 320-321.

структуры власти. "Демократический проект" 1991-1993 гг., по сути дела, свелся к рыночному. В результате не произошло сколько-нибудь существенной трансформации системы власти в России – власть осталась самодовлеющей, самодостаточной, монопольной и неподконтрольной обществу.

В-третьих, отказ – во имя глубины и быстроты экономических преобразований – от медленного пути демократической трансформации власти, который потребовал бы постоянного согласования интересов путем политических компромиссов, решающим образом определил дальнейшую эволюцию крупной частной собственности и рынка, с одной стороны, и все более авторитарный характер власти, с другой. Прямая конвертация власти в собственность в 1990-е гг. под "крышей" государства или путем сделки с отдельными его представителями облегчила в середине следующего десятилетия переход крупной собственности в руки групп, окончательно приватизировавших российское государство в своих интересах.

Четвертое обстоятельство, крайне негативно сказавшееся на перспективах демократического развития России, заключалось в массовом разочаровании общества в демократических институтах как инструментах, позволяющих отстаивать свои интересы в условиях экономического кризиса 1990-х гг. Резкое падение уровня жизни в результате рыночных реформ привело к глубокой дискредитации не только демократии и либерализма, но и возможности "западного" вектора развития России в целом. На нем был поставлен если не крест, то серьезный знак вопроса.

Я думаю, что путинский режим – это закономерный результат выбора, сделанного в 1993 и 1996 годах. Сложившись и укрепившись в 2000-е гг., этот режим усилил все те исторические препятствия на "западном" пути развития России, о которых говорилось выше.

Во-первых, в путинское 13-летие произошла предельная приватизация государственной власти и государственных институтов в интересах очень узкой группы лиц, я бы не стала называть их элитами. Речь идет о тех, кто совмещает высшие государственные должности и распоряжение наиболее прибыльными экономическими активами. Иначе говоря, единство власти и собственности в путинский период, на мой взгляд, приобрело персонифицированный характер. Мне приходилось писать о том, что если приводить здесь латиноамериканские аналоги, то это аналогии не с режимом Пиночета, а с олигархическими кланами Трухильо или Сомосы – людей, которые владели своими странами как личной собственностью. Таким образом, в путинский период сложилось и предельно углубилось важнейшее препятствие для западного вектора развития России – это предельно персонифицированный характер единства власти и собственности.

Второй момент, который также предельно обнажился при путинском режиме, - это смысл существования, "raison d'être" этой власти. Несмотря на все потуги, этот режим не смог обзавестись сколько-нибудь убедительным идеологическим обоснованием собственного существования, способным прикрыть тот факт, что его единственный "raison d'être" – сама власть, ее самосохранение. В этой ситуации вполне закономерно, что власть обратилась к использованию антизападной пропаганды и политики как к испытанному и единственно оставшемуся у нее ресурсу мобилизации в своих интересах консервативной, традиционалистской части общества.

Третий момент, который усиливает в путинской России препятствия для западного вектора развития, - это раскол общества. После политического кризиса, связанного с избирательным циклом 2011-2012 гг. и резким подъемом протестных, оппозиционных настроений, власть с помощью пропаганды, запугивания и выборочных репрессий стремится противопоставить образованную, урбанизированную, прозападно настроенную часть общества консервативному, немодернизированному, провинциальному, если так можно сказать, большинству населения России. И, к сожалению, это ей удастся.

Исследования Левада-центра показывают, в частности, что государственная телевизионная пропаганда наиболее скандальных, "антизападных" репрессивных законов (о запрете пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений, о защите чувств верующих, об НКО – "иностранных агентах"), принятых в последнее время, весьма эффективна. Эти законы, напрямую апеллирующие к самым темным, ксенофобским, традиционалистским чувствам и предрассудкам людей, пользуются поддержкой значительной части общества. Власти удалось объединить вокруг себя консервативное большинство народа, хотя эта поддержка носит пассивный и диффузный характер.

Таким образом, антизападный вектор стал важнейшей составляющей внутренней политики, направленной на самосохранение власти. Я думаю, что это очень сильно затрудняет выход России из того исторического тупика, в который она неуклонно движется. Этот вектор включает не только антизападную риторику и пропаганду, но и все более полный отказ от принципов правового государства, дальнейшее фактическое и законодательное ограничение прав и свобод, нарастание политических репрессий и намерения изменить Конституцию в авторитарно-почвенническом направлении.

Смысл этих и других событий заключается, на мой взгляд, в попытке реставрации государственно-центричной модели развития в России, модели, подвергшейся крайнему истощению, эрозии, разрушению на протяжении всего XX века. Ее кризис стал предельно очевиден в 1980-е – 1990-е гг.

С исторической точки зрения реставрация государственно-центричной модели – вещь обреченная. Я в этом глубоко убеждена. Власть, государство уже не обладают в сегодняшней, путинской России сколько-нибудь эффективными рычагами мобилизации общества в свою поддержку. Я думаю, что власть этого и не хочет: она боится не только модернизированной, вестернизированной части общества, но и того большинства, на которое она вроде бы стремится опереться с помощью мракобесных законов и консервативных рычагов. Власть и ее несущая конструкция – репрессивный аппарат – полностью разложены изнутри преобладанием частных, узкоклановых интересов. Я думаю, что репрессивные институты после того, как они стали главным бенефициаром экономики в путинский период, не способны более к выполнению своих функций в широком масштабе. У них теперь другие приоритеты. Более того, власть дискредитирована повсеместной коррупцией и лицемерием. Для всех очевидно, что очень трудно, практически невозможно содержать собственность и семьи на Западе, последовательно вывозить туда прибыль и средства и одновременно выдвигать убедительные национальные идеи для тех, кто живет внутри России.

Я думаю, что эта долгосрочная обреченность, как и всегда в период кризиса авторитарного режима, не означает, что этот антизападный курс обречен и в краткосрочной перспективе. Напротив, этот курс остается, как уже говорилось, единственным интегративным ресурсом власти, тем более что его поддерживает православная церковь, которая, наконец, восстановила, я думаю, практически полностью свою историческую роль идеологического департамента полицейского государства.

Внутренние факторы антизападного курса усиливаются и очевидной слабостью Запада. Слабостью экономической – последствиями кризиса в Европе, ее зависимостью от поставок российского газа и нежеланием раздражать Путина. Слабостью политической, особенно очевидной в неспособности Европы отстоять европейский вектор развития Украины и противостоять давлению на нее России. Об этом же свидетельствует и сопротивление, которое администрация президента Обамы оказывала принятию закона Магницкого Конгрессом США. За этим стоит прагматическое стремление сотрудничать с российской властью, какой бы она ни была.

В заключение очень коротко отвечу на вопросы, которые были заданы участникам дискуссии.

Первый вопрос звучит так: учитывая инерционность внутренней политики, можно ли ожидать постепенного ослабления тенденции противопоставления России Западу или она набрала такую динамику, что остановить ее, а тем более обратить вспять невозможно? Я думаю, что в краткосрочной перспективе тенденции противопоставления России и Западу

будут продолжаться, потому что, повторяюсь, это важнейший и по сути единственный внутривнутриполитический, идеологический рычаг путинского режима.

Второй вопрос: как реагирует общество на это? Исследования Левада-центра показывают, что общество в большинстве своем "правильно" реагирует на антизападную пропаганду. Доля тех, кто считает, что у России есть враги, выросла с 63 % в 2012 г. до 78% в 2013 г. На первом месте среди врагов идут США (56% опрошенных).

Какой может быть в этих условиях роль интеллигенции? Мне кажется, что роль интеллигенции – и вообще всех самостоятельно мыслящих людей, поскольку интеллигенция в советском значении этого слова серьезнейшим образом скомпрометирована – заключается в том, чтобы всемерно противостоять официальному антизападничеству. Однако это противостояние должно быть не только либеральным. Я думаю, что это противостояние должно быть и социальным, и демократическим. Для того, чтобы власть не могла мобилизовывать с таким успехом пассивное большинство в свою поддержку, очень важно выдвигать те проблемы, которые касаются большинства людей: проблемы их повседневной жизни, проблемы ЖКХ, проблемы заработных плат, которые обесцениваются, проблемы социального обеспечения, здравоохранения и т.п. Я убеждена, что без включения этих проблем в либерально-демократический дискурс никакое влияние российской интеллигенции, российских интеллектуалов на общество невозможно.

Еще одно средство противодействия официальной пропаганде – это организация и сохранение независимого социального пространства во всех его измерениях. Социальная самоорганизация, как мне кажется, ведет к более глубоким и долговременным сдвигам, чем всплески политического противостояния власти, даже такого яркого, как в 2011-2012 гг. Гораздо более устойчивыми оказываются вещи, связанные с неполитическим противостоянием авторитарной, грабительской власти: защита городской среды от разрушения, экологические и волонтерские движения, профсоюзы – все те процессы, которые создают в обществе многообразные, не зависящие от власти пространства социальной самоорганизации.

Последний вопрос: "Что будет, если Россия и дальше пойдет по антизападному курсу, какие могут быть ближайшие, отдаленные последствия происходящего поворота?" Я думаю, что дело не только в антизападном курсе: те тенденции, которые мы наблюдаем в последние полтора – два года ведут страну если не к краху, то к серьезнейшему кризису. Кризису политическому, поскольку база поддержки власти среди наиболее модернизированных слоев населения сокращается, а те наиболее консервативные и отсталые слои, которые она стремится мобилизовать, активной поддержки оказать не могут. Кризису социальному, который связан с очевидным падением эффективности сырьевой экономической модели,

основанной на грабительской эксплуатации природных ресурсов правящими и господствующими группам. По мере истощения этой модели, круг ее бенефициаров будет неизбежно сужаться, порождая конфликты и борьбу за перераспределение внутри правящей верхушки.

Сохраняются ли в правящей группе какие-то слои, которые смогли бы своевременно осознать опасность и изменить курс страны? Я в это не верю. С моей точки зрения, выход из этой, очень тяжелой ситуации нужно искать не "вверху", а "внизу", в обществе. Если оно сможет создать и расширять пространство социальной и политической самоорганизации, у страны есть шанс избежать краха. Того краха, который оказывается контрпродуктивным для коренного изменения модели развития страны. Дважды в XX веке, в начале и конце его мы пережили радикальный слом системы, результатом которого в обоих случаях становилось возвращение к прежней, государственно-центричной, антизападной и очевидно тупиковой модели развития. Внутренняя неустойчивость нынешней властной конструкции в России, не сбалансированной иной, внесистемной альтернативой ведет к нарастанию угрозы очередного краха и "повторения пройденного".